

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК. 070.15
ББК Ч 612.3

А. А. Антонов-Овсенко
кандидат исторических наук,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Москва, Россия), e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

Периодическая печать и июльское восстание 1917 г. в Петрограде

В статье рассматриваются итоги организованного большевиками вооружённого выступления резервных военных частей в июле 1917 г. в Петрограде. Газетная кампания, начавшаяся с «разоблачения» большевиков как германских шпионов, была организована в качестве ответной меры на фактически предпринятую в ходе восстания попытку государственного переворота. В этой кампании Временное правительство использовало газеты в качестве инструмента воздействия на своих политических оппонентов в лице большевиков и одновременно как объекты воздействия на тех же оппонентов путём создания помех в выпуске их печатных изданий.

Ключевые слова: газеты, восстание, большевики, Временное правительство.

A. A. Antonov-Ovseenko
Candidate of History, Moscow State University
named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russia),
e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

Periodical Press and the July 1917 Uprising in Petrograd

The article reviews the outcomes of the Bolsheviks organized armed uprising of reserve military units in July 1917 in Petrograd (now St. Petersburg). The newspaper campaign, which began with “revelations” of the Bolsheviks as German spies, was organized in response to the coup attempt undertaken in the course of the uprising. In this campaign, the Provisional Government used the newspapers as a tool against its political opponents, the Bolsheviks, and at the same time as a means to exert pressure on the opponents by interfering with the release of their publications.

Keywords: newspapers, uprising, Bolsheviks, Provisional Government.

В начале июля в Петрограде состоялось вооруженное выступление ряда военных частей, находившихся в резерве в Петроградском гарнизоне, но ввиду военного времени полностью вооруженных и пустивших в ход это оружие в столкновениях с силами Временного правительства, в частности с отрядом посланных к Таврическому дворцу казаков. В результате этих столкновений погибли не только военные с обеих сторон, но и мирные граждане. И, несмотря на то, что следствие по делу 3–5 июля, которое проводил прокурор Петроградской судебной палаты, так и не было окончено (а подозреваемые – 72 большевика, в том числе Л. Д. Троцкий, были выпущены из «Крестов» на свободу), даже и отрывочные сведения об этих событиях,

опубликованные в прессе, позволяли сделать определённые выводы об их организационном источнике. Так, из номера газеты «Новая Жизнь» от 22 июля (4 августа) ещё тогда можно было узнать буквально следующее: «...3 июля к восстанию присоединился 1-й пулемётный полк. Руководителем этого выступления был прапорщик Семашко. Он... в апреле должен был отправиться с пулеметной ротой на фронт, но самовольно не исполнил этого распоряжения и продолжал являться в полк, где... образовал «коллектив большевиков»... Полк направился к Таврическому дворцу, где к нему обратились с речами Зиновьев и Троцкий. Последний, приветствуя вооружённое выступление, заявил, что завоевание уже сделано, так как рабочая секция

С. Р. и С. Д. согласилась на то, чтобы вся власть была сосредоточена в Совете Р. и С. Д.» [12]. К июльскому выступлению присоединились, – об этом также сообщали газеты, – и военные части из Кронштадта.

Таким образом, сведения эти позволяют с очевидностью утверждать, что организационные источники июльского выступления находились именно в большевистском штабе в доме Кшесинской и в большевистской фракции Петросовета в Таврическом дворце. Кроме того, с учётом заявления Троцкого, в ходе июльского выступления была предпринята попытка государственного переворота. В итоге июльское выступление обнаружило Временное правительство и большевиков в качестве двух главных политических центров организационно-политического противостояния.

Газеты как субъект и средство воздействия. Первой реакцией Временного правительства стал запрет на проведение демонстраций, но, разумеется, ограничиться только этой мерой правительство не могло. Последовали более решительные действия, тем более, что, как это будет видно далее, предназначенная для формирования антибольшевистских настроений в обществе аргументация концентрировалась в правительстве загодя. Выступление же 3–4 июля стало удобным поводом для того, чтобы запустить в действие давно готовый механизм.

Как известно, начало антибольшевистской кампании положила публикация газеты «Живое слово» в номере от 5 июля под набранным крупным шрифтом заголовком «Ленин, Ганецкий и К° – шпионы!» следующего содержания: «При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба Верховного Главнокомандующего препроводил Военному Министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16 Сибирского стр. полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба Верховного Главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры Германского Генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведёт в России агент Германского Генерального штаба и председатель Украинской секции «союза освобождения Украины» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на агитацию получают через

некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при Германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, такими доверенными лицами являются в Стокгольме: большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус (доктор Гельфант). В Петрограде: большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский, родственница Ганецкого – Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями, и другие. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через «Дисконто-Гезельшафт» на Стокгольм «Виа-Банк», а оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его счету имеется свыше 2.000.000 р. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами. По распоряжению Временного правительства были выключены вчера телефоны во всех большевистских организациях, в типографиях, занятых большевиками, и в частных квартирах большевиков. Ввиду угрозы большевиков захватить телефонную станцию, на Морскую улицу к помещению, занимаемому телефонной станцией, был послан бронированный автомобиль. По полученным сведениям, большевики готовили нападение на контрразведывательные отделения Генерального штаба. К помещению, занимаемому отделением, был выслан бронированный автомобиль» [10].

Для Временного правительства приведенная публикация стала прекрасным оправданием для любых мероприятий, направленных на ограничение активности большевиков как «немецких шпионов». А поскольку в ночь с 4 на 5 июля, когда в типографии «Живого Слова» осуществлялся набор и печать этого сообщения, Временное правительство ещё не было полностью уверено в ликвидации угрозы государственного переворота, то публикация эта оказывалась очень кстати и для начала ещё более решительных действий.

Газеты как объект воздействия. Ещё более решительные действия со стороны Временного правительства были предприняты в тот же день, 5 июля, и оказались направленными против центрального печатного органа большевиков – газеты «Правда». События в редакции этой газеты, приобретшие форму погрома, были подробно описаны на следующий день, 6 июля, в «Известиях»: «Вчера в 5 час. утра в ред. «Правды» явился смешанный отряд солдат, юнкеров и инвалидов и арестовал находившегося здесь ре-

дктора – выпускающего К. С. Еремеева, сотрудника Гельверна¹ и несколько человек служащих в конторе и редакции. Находившийся в помещении редакции караульный отряд 6-го саперного батальона был обезоружен и под конвоем явившихся солдат вместе с арестованными отведён в штаб Петроградского главнокомандующего. Здесь задержанные были допрошены в присутствии министра юстиции... Вернувшиеся в редакцию К. С. Еремеев и тов. Гельверн нашли две комнаты, в которых помещается редакция, запёртыми, а ключи – у представителя «Сельского Вестника», который помещается в одной с «Правдой» квартире... Двери были отперты, и в помещении редакции и конторы обнаружен полный разгром...» [1]. Безусловно, погром в редакции, по замыслу, должен был привести и действительно привел к затруднениям в восстановлении регулярного выпуска газеты.

Будущий глава правительства А. Ф. Керенский, который возглавил его после отставки кн. Львова 11 июля, в разгар июльского выступления находился с инспекцией на фронте в качестве военного и морского министра и впоследствии в своих воспоминаниях отрицал причастность правительства к погрому в редакции «Правды». Однако лукавство Керенского выдаёт приведённый пассаж из статьи в «Известиях» о том, что задержанные сотрудники газеты «были допрошены в присутствии министра юстиции».

Одновременно продолжалась и активная кампания на страницах «Живого Слова»: первая страница следующего же номера этого издания от 6 июля буквально переполнена заметками, выдержанными в тоне гневного обличения не только шпионов-большевиков, но и их фактических пособников, каковых газета усматривала и во Временном правительстве – за то, что оно не обнародовало сведения о предательстве большевиков раньше (правительство, таким образом, подталкивали к ещё более решительным действиям), и в Совете – за то, что «не хочет признавать безусловной истинности этого сообщения». Со своей стороны и со стороны «революционной России», газета выдвигала следующие требования: «1) Ленин и его приспешники должны быть немедленно арестованы; 2) “Правда”, “Солдатская правда”, “Волна” и им подобные газеты, издающиеся на немецкие деньги, должны быть немедленно закрыты...» [8] и т. п.

Публикации «Живого слова» были подхвачены и другими изданиями. Так, «Русское сло-

¹ Фамилия «Гельверн» на микрофильме с данной страницей газеты «Известия» неразборчива (микрофильм на хранении в Газетном фонде Российской государственной публичной библиотеки – Москва, округ Химки).

во» в № 152 от 6 июля фактически повторяет «Живое слово» в публикации письма Алексинского и Панкратова и в публикации содержания письма начальника штаба главнокомандующего А. И. Деникина военному министру А. Ф. Керенскому от 16 мая 1917 года за № 3719. Кадетская «Речь» 7 июля также в точности повторяет и заявление Алексинского и Панкратова, и текст протокола допроса прапорщика Ермоленко, и прочие «сведения» [2].

Физическое воздействие как результат газетных публикаций. «Новая жизнь» в номере от 6 июля сообщает об агрессивном отношении к большевикам в дни, наступившие сразу за чередой «разоблачительных» публикаций: «Члены Исполнительного Комитета Каменев и Либера по дороге в штаб округа за получением пропуска для автомобиля были задержаны солдатами Преображенского полка. Арестованные были препровождены к ген. Половцеву... Видя намерения штаба освободить задержанных, находившиеся офицеры и солдаты запротестовали и заявили, что если Каменев и Зиновьев появятся на улице, то с ними расправятся, солдат удалось убедить, что Зиновьева здесь нет и что за Зиновьева они принимают Либера... Каменев же остался в штабе округа до того момента, пока не успокоятся солдаты, охраняющие штаб» [14]. Опубликованные в этой заметке подробности, касающиеся личности Зиновьева, важны среди прочего и тем, что вместе с Лениным в plombированном вагоне из Германии следовал, – о чем, видимо, в то время было широко известно, – именно Зиновьев, то есть его вместе с Лениным общественное мнение ассоциировало с предательством интересов родины.

«Новая Жизнь» в номере от 8 июля подтверждает, что подобные происшествия с большевиками в те дни не были ни случайными, ни единичными: «Уже второй день в Таврический дворец поступает ряд сообщений об эксцессах толпы и солдат против отдельных большевиков. Сообщают, что в некоторых районах толпа врывается даже в трамваи и ищет «ленинцев». Представители большевиков в Таврическом дворце то и дело обращаются к заступничеству Центрального Исполнительного Комитета» [14].

Официальные меры. Следующим шагом, предпринятым Временным правительством против большевиков, стало постановление от 8 июля о запрете распространения на фронте большевистских газет «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда» [3, с. 67], а затем принятое 12 июля (на следующий день после отставки кн. Львова и назначения на пост министра-председателя Керенского) решение –

«в виде временной меры военному министру и управляющему Министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне» [4, с. 85]. К этому моменту большевистские издания на фронте вкупе с реальными тяготами затянувшейся войны уже исполнили своё предназначение в деле распропагандирования армии. Тем не менее, по определённому самим Временным правительством уведомительному порядку выпуска периодической печати, закрытые газеты располагали возможностью свободного выпуска под любым другим, угодным редакции названием, каковую возможность активно использовали не только большевики: таким образом официальные запоздалые запретительные меры Временного правительства практически ничего не решали, хотя и выглядели устрашающе.

После того как была разгромлена редакция большевистской «Правды» (на подготовку к выпуску нового издания требовалось время), место главной партийной газеты фактически заняла горьковская «Новая жизнь», предоставившая свои страницы для политической защиты большевиков. Именно в «Новой жизни» № 71 от 11 (24) июля на с. 3 было опубликовано известное «Письмо в редакцию» за подписью Н. Ленина, Г. Зиновьева и Ю. Каменева и другие обращения большевиков.

Неудивительно поэтому, что следующие шаги Временного правительства в антибольшевистской кампании оказались направленными именно против газеты «Новая жизнь». Для начала «Новую жизнь» просто закрыли, о чём сообщило «Русское слово» в номере от 3 сентября: «По распоряжению военного генерал-губернатора Пальчинского закрыты большевистские газеты: “Новая жизнь” и “Рабочий”». Сегодня вместо закрытой «Новой жизни» вышла «Свободная жизнь» [13] (через некоторое время газете, очевидно, удалось возобновить выход под своим изначальным названием). Затем в постановлении № 147 от 4 августа Временное правительство, во-первых, признавало одну из статей газеты (впрочем, не указав ни даты её публикации, ни заголовка статьи) «закрывающей в себе оскорбления по адресу правительственных властей некоторых союзных с Россией государств», и, во-вторых, поручало «министру юстиции разработать законопроект, направленный к прекращению появления в печати оскорбительных для союзных держав и их дипломатических представителей заметок и статей» [5, с. 229], то есть тем самым готовило

почву для ограничения свободы печати в масштабе куда большем, нежели одна только редакция газеты «Новая Жизнь».

Кроме того, начавшиеся 5 июля в редакции «Правды» погромы продолжились через месяц в редакции газеты «Солдат и рабочий», каковой случай описан подробно в газете «День» от 11 августа: «Вчера около 5 час. утра в типографию “Народ и труд”, помещающуюся в доме № 42 по Гороховой ул., совместно с комиссаром 3-го Спасского подрайона и нарядом милиции прибыл чиновник особых поручений при начальнике милиции З. О. Кельсон и, предъявив ордер военного и морского министра на закрытие печатавшейся в этой типографии большевистской газеты “Солдат и рабочий”, распорядился приостановить печатание очередного номера. Так как в типографии адрес редактора газеты Марчука не был никому известен, а управляющий типографией находился в отъезде, то формальность по вручению ордера была произведена Кельсоном вне типографии. З. О. Кельсон на автомобиле отправился в квартиру помощника управляющего типографией Лызлова, проживающего в доме № 52 по Суворовскому пр., где и отобрал от него соответствующую расписку в прочтении ордера, после этого в типографии стереотип набора был расплавлен, напечатанные уже номера конфискованы, а для наблюдения за тем, чтобы набор, с которого был сделан стереотип, был разобран, в типографии оставлен небольшой наряд милиции» [7].

Оставим рассуждения о достоверности сообщенных «Живым словом» и подхваченных другими изданиями сведений о причастности большевиков к шпионажу в пользу Германии (сведения эти требуют отдельного рассмотрения). Тем более, что удивительная точность повторов публикаций в разных изданиях, как это стало известно впоследствии, была вызвана отнюдь не перепечаткой информации газетами друг у друга, начиная с «Живого слова», а её поступлением в разные издания из одного источника – Бюро печати при Временном правительстве. Кроме того, протокол допроса прапорщика Ермоленко существовал в правительстве в течение нескольких месяцев до того, как был пущен в ход. Всё это говорит об очевидной сфабрикованности газетной кампании против большевиков, предпринятой, однако, в качестве ответной меры на попытку свержения законно избранного Временного правительства.

Развёрнутая в газетах кампания по дискредитации большевиков сопровождалась масштабной акцией по их физической изоляции: видные вожди большевиков – такие как Троцкий и

Луначарский, и десятки партийных активистов немедленно после июльских событий были заключены в «Кресты»; как следует из сообщения, опубликованного в «Новой Жизни» 2(15) августа, Лев Троцкий содержался в тюрьме «без предъявления какого бы то ни было обвинения» с начала июля в списке из 72 человек, среди которых также числились: «Дыбенко – пред. Центр. Ком. Балт. Фл., арестованный вместе с адм. Вердерским; матрос Кануников, Овсеенко (Антонов), Романов, Кутнер» [11] и др. Даже адмирал Д. Н. Вердеревский, будущий морской министр во Временном правительстве (фамилия которого в оригинале ошибочно напечатана как «Вердерский»), находился в заключении вместе с большевиками – за то, что будучи в период июльских событий начальником штаба Балтийского флота, отказался выполнить приказ помощника морского министра Б. П. Дудорова направить в Петроград четыре эсминца для поддержки Временного правительства, которое тогда, собственно, и пыталось свергнуть большевики.

Поскольку никаких обвинений заключенным в «Крестах» предъявлено не было, становится очевидным, что настоящей причиной физической изоляции большевиков стало не обвинение в шпионаже, а события 3–5 июля, в ходе которых была предпринята попытка государственного переворота. По замыслу организаторов антибольшевистской кампании эта попытка как раз и состоялась во исполнение большевиками шпионского задания германского генштаба, и потому оба дела – о событиях 3–5 июля и «дело» о шпионаже – были в дальнейшем объединены юридическими инстанциями в одно, что подтверждается следующей публикацией в «Новой жизни» от 30 июля (12 августа):

«Как сообщают, к Каменеву предъявляется обвинение по 51, 100 и 108 ст. угол. улож. Дело Каменева будет объединено в одно общее дело “о событиях 3–5 июля”... Ввиду того значения, которое придаётся процессу большевиков, в настоящее время за следствием наблюдает, кроме прокурора палаты Н. С. Каринского, и товарищ министра юстиции В. Я. Вальц, которому почти ежедневно делаются доклады о ходе следствия... Лица, стоящие близко к следствию, продолжают утверждать, что в настоящее время будто уже окончательно выяснилось, что вооружённое восстание 3–5 июля было организовано немецкими агентами с целью сорвать все подготовки наших военных властей к наступлению на фронте» [9].

Одной из характерных черт антибольшевистской кампании стало то, что газеты со стороны Временного правительства использовались в качестве традиционных средств воздействия на общественное мнение, как в случае с публикацией в газете «Живое Слово» от 5 июля. С другой стороны – также со стороны Временного правительства, газеты использовались в качестве объектов воздействия – с целью лишения политических противников, в данном случае большевиков, возможности защищаться способами, аналогичными использовавшимся при нападении, – как в случаях с погромами в редакции «Правды» 5 июля, типографии газеты «Рабочий и солдат», постановлениями о запрете распространения на фронте большевистских изданий и мерами против газеты «Новая жизнь». Таким образом, пресса фактически в руках Временного правительства превратилась в средство сведения политических счётов.

Список литературы

1. В редакции «Правды» // Известия. 1917. № 110 от 6 июля.
2. Дело Ленина и Ко // «Речь». 1917. № 157 от 7 июля.
3. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 67.
4. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 85.
5. Додонов Б. Ф. – ответственный редактор, Гринько Е. Д., Лавинская О. В. – составители. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль-август 1917 г. М. РОССПЭН. 2001. С. 229.
6. Задержание Каменева и Либера // Новая Жизнь. 1917. № 67 от 6 июля.
7. Закрытие большевистской газеты // День. 1917. № 133 от 11 августа.
8. Кровь на совести молчавших! Время действовать, а не рассуждать! // Живое слово. 1917. № 52 (405) от 6 июля.
9. К делу Каменева, Ленина и др. // Новая жизнь. 1917. № 88 от 30 июля (12 августа).
10. Ленин, Ганецкий и Ко – шпионы! // Живое слово. 1917. № 51 (404) от 5 июля.
11. Политические в Крестах // Новая жизнь. 1917. № 90 от 2(15) августа.
12. Расследование событий 3–5 июля. От прокурора Петроградской судебной палаты // Новая жизнь. 1917. № 81 от 22 июля (4 августа).
13. Репрессии. Закрытие большевистских газет // Русское слово. 1917. № 202 от 3 сентября.
14. Эксцессы против большевиков // Новая Жизнь. 1917. № 69 от 8 июля.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.